

Подлежит возврату во
II часть ОС ЦК ВКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! СТРОГО СЕКРЕТНО.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков).
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

РАСЕКРЕЧЕНО

№ П1401.

2 января 1935 года.

ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ЦК ВКП(б).
ЧЛЕНАМ КОМИССИИ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ.
ЧЛЕНАМ КОМИССИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ.
ЧЛЕНАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССИИ.

По поручению Политбюро ЦК посылаются Вам запись бесе-
ды т. Стомонякова с латвийским посланником от 29.XI.34 г.
и записка т. Стомонякова от 2.1.35 г. по делу латвийского
консула в Ленинграде Биссенка.

СЕКРЕТАРИАТ ЦК ВКП(б).

ПРИЛОЖЕНИЕ:

экз. № _____
на 6 листах.

320

2.5

35

Секрет

С. С. С. Р.

Экз. № 1
ПАСЕКРЕЧЕНО
СЕКРЕТНО
228

77

2-1. Народный Комиссариат по Иностранным Дела

11401

Отдел

Москва, Кузнецкий М., 5/21
Телефон 13-40

В/индекс и дата

Н/индекс и дата

2-го января 1935 года.

№ 2002.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/

тов. СТАЛИНУ.

Копия: тов. МОЛОТОВУ.

Уважаемый товарищ,

В дополнение к записи моей беседы с латвийским посланником от 29 декабря за № 10230 и к моему письму к Вам от 31-го декабря за № 10231, сообщаю дальнейшие сведения по делу латвийского консула в Ленинграде Биссенек.

1. По сообщению дипломатического агента НКВД в Ленинграде тов. Вайнштейна, Биссенек, намеревавшийся сперва уехать из Ленинграда поездом в 9 часов через Эстонию, потом изменил свое решение и выехал со своей семьей в 5 час. 30 минут вечера в направлении к финляндской границе. По сообщению тов. Вайнштейна, консул видимо опасался, что, поехав на Вингиссеп через Эстонию, он к 12-ти часам ночи не успеет покинуть пределы СССР.

2. Вчера итальянский посол, на новогоднем приеме у него, сообщил мне в шутливой форме, что ему известны мои "некоторые ночные беседы", после которых некоторым консулам приходится внезапно уезжать из СССР. Потом он сказал, что, оставляя шутки в стороне, он должен меня предупредить, что дело это приобретает слишком большую огласку, несмотря на то, что, насколько ему известно, мы решили его гласности не предавать. По полученным им сведениям, Отдел печати НКВД дал разрешение иностранным журналистам сообщать об этом деле за границу. Известно ли мне это, и соответствует ли это намерениям Правительства?

Я ответил, что ничего об этом не знаю и поинтересуюсь этим делом.

3. Сейчас же после этого ко мне подошел латвийский посланник Бильманис, сообщивший мне, что после разговора со мной 29-го он, в ночь на 30-ое, передал по телеграфу мое заявление премьер министру Ульманису, от которого получил 30-го распоряжение предложить Биссенеку выехать 31-го из СССР. Бильманис дал соответствующее распоряжение Биссенеку по телефону 30-го, но "уже через пару часов" Биссенек сам позвонил Бильманису по телефону и сказал ему, что говорил с германским консулом, который утверждает, что ему, Биссенеку, дан срок для выезда не 31-ое, а 30-ое декабря.

4. Бильманис сообщил далее, что еще до моего с ним разговора английский консул в Ленинграде клерной /открытой/ телеграммой сообщил английскому послу в Москве о том, что не названный по имени в обвинительном заключении иностранный консул, имевший связь с Николаевым, является латвийским консулом.

5. Бильманис жаловался, что дело получило вообще недопустимо широкую огласку: не только все консула в Ленинграде, но почти весь дипкорпус и иностранные журналисты в Москве осведомлены о предъявленном мною требовании выезда Биссенека в 48 часов. "Здесь, на приеме, - сказал Бильманис, - ко мне подходили некоторые посланники, высказывали сочувствие и спрашивали подробности. Я, однако, говорил, что мне ничего неизвестно. Мне тогда говорили: - но ведь ваш консул из Ленинграда уехал? - Я на это отвечал: - может быть, и уехал, но я ничего не знаю".

Я заметил, что, по дошедшим до меня сведениям, сам посланник рассказывал кому то из шефов миссий про мою беседу с ним 29-го, и выразил предположение, что, может быть, результатом этого разговора и была широкая огласка всего дела.

Бильманис уверял, что он сделал об этом сообщение только эстонскому посланнику, как представителю союзной Эстонии, от которой у Латвии никаких секретов нет.

Затем он пожаловался на Отдел Печати НКВД, повторив то, что мне говорил Аттолико. Когда он доложил премьер министру Ульманису о разговоре со мной, посланник подчеркнул мое заявление, что мы решили не предавать это дело огласке, чтобы не наносить вреда нашим отношениям. Зачем же теперь разглашать это дело?

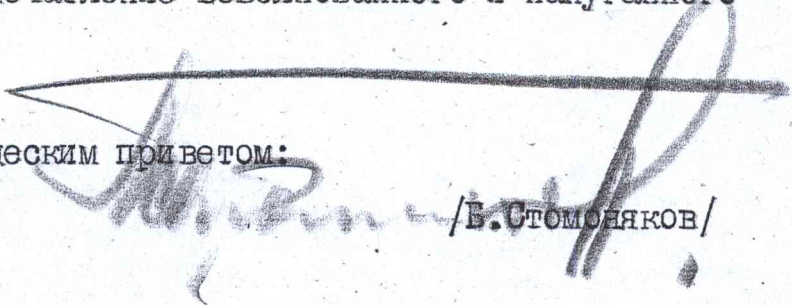
Я сказал, что считаю это неправдоподобным, но немедленно наведу справки.

6. В заключение Бильманис заявил, что получил поручение от Ульманиса обратиться к нам официально с просьбой ознакомить латвийское правительство с материалом против Биссенека. "Наше правительство, - пояснил Бильманис, - должно решить, предавать ли его суду, или наложить административное взыскание, и вообще должно знать, что с ним делать".

Я обещал переговорить с властями и дать посланнику ответ.

Бильманис производил впечатление взволнованного и напуганного человека.

С товарищеским приветом:

/Б.Стомоняков/

мс/ао/10 экз.

- 1 - 2 - адр.
- 3 - тов. Молотову.
- 4 - тов. Кагановичу.
- 5 - тов. Ворошилову.
- 6 - тов. Орджоникидзе.
- 7 - тов. Литвинову.
- 8 - тов. Крестинскому.
- 9 - в дело.
- 10 - тов. Стомонякову.

РАСШИФРОВАНО 2.7.35 г.
200 экз. ДНЕВНИК

тов. Стомонякова

226 80 экз. №...

В.С. СТОМОНЯКОВА.
№ 10230.

2.7.35
71401.

Секретно.
РАССЕКРЕЧЕНО

ПРИЕМ ЛАТВИЙСКОГО ПОСЛАНИКА, 29. XII. 34 г.

Вернувшись с заседания Правительства, я немедленно просил вызвать ко мне Бильманиса, который оказался на приеме в какой-то другой иностранной миссии. Извинившись за то, что я потревожил его в неурочный час, я сделал ему следующее заявление:

28 и 29 выездная сессия Военной Коллегии Верховного суда СССР слушала в Ленинграде дело Николаева и сообщников по обвинению в убийстве тов. Кирова. При этом во время судебного следствия было установлено, что Николаев поддерживал сношения с нынешним латвийским консулом в Ленинграде Биссенеком и были подтверждены все факты, изложенные в опубликованном обвинительном заключении по вопросу о сношениях Николаева с консулом не названной в опубликованном документе страны. Хотя этот случай является чрезвычайно тяжелым и неслыханным в практике международных отношений, советское правительство, желая избежать его неблагоприятного влияния на наши отношения с Латвией, решило не предавать гласности, - однако, оно ожидает, что латвийское правительство само сделает необходимые выводы и предпишет г-ну Биссенеку покинуть немедленно пределы СССР с тем, чтобы сюда более не возвращаться. Я прошу посланника еще сегодня передать мое заявление г-ну Ульманису.

Б. был ошеломлен моим заявлением. Он несколько раз повторил, что он никак этого не ожидал, хотя и говорил вчера тов. Березову о том, что нужно поскорее выяснить, о каком именно консуле идет речь в обвинительном заключении, ибо неизвестность наводит поочередно подозрения на всех находящихся в Ленинграде консулов, в том числе и на латвийского.

Я сказал, что опубликование фамилии Биссенек в обвинительном заключении бросило бы тень на Латвию и на наши с нею отношения, и поэтому Правительство решило воздержаться от этого. Это - максимум того, что мы могли сделать в интересах наших отношений с Латвией.

Б. сказал, что он это понимает и ценит, и что он нам очень благода-

рен за такое внимательное отношение к Латвии. - Он несколько раз с чувством говорил, что он "никак всего этого не ожидал, особенно от Биссенек-латвийских". Тут он рассказывал, что Биссенек - один из старейших дипломатов, был прежде латвийским посланником в Лондоне, потом, отойдя совсем от политики, занимался частными делами и, вследствие неудачи в этих делах, получил первый вакантный пост, которым оказался пост консула в Ленинграде. Он уже старый человек, слышущий за большого джентльмена и пользующийся уважением в Латвии. В Латвии это будет большой сенсацией, - говорил Б. Все будут поражены, что Биссенек занимался такими делами. Правда, в прошлом, в эпоху 1905 г., Биссенек был революционером...

Я заметил, что Биссенек, кажется, социал-демократ и меньшевик.

Б. подтвердил, сказав, что Биссенек принадлежал к партии меньшевиков, возглавляемой Скуенеком. - Потом Б. сказал, что он, конечно, строго осуждает такие действия Биссенека, и считает их совершенно недопустимыми. - В ответ на мою повторную просьбу немедленно известить Ульманиса, Б. сказал, что он сейчас же по возвращении в Миссию будет телеграфировать, и спросил, сколько времени мы даем Биссенеку на ликвидацию личных дел.

Я сказал, что, чем скорее Биссенек выедет, тем лучше для него и для наших отношений. Хотя Правительство решило не предавать гласности факт помощи, оказанной им Николаеву, сведения об этом могут просочиться, особенно после процесса. В Ленинграде рабочие очень возмущены убийством тов. Нирова, и, если станут известны сношения Биссенека с Николаевым, можно опасаться взрыва негодования по адресу латвийского консульства, демонстраций и т.п. Поэтому я рекомендовал бы, чтобы Биссенек ~~или~~ уехал немедленно.

Б. стал рассчитывать по пальцам и пришел к заключению, что Биссенек самое раннее может уехать 1-2 января, поскольку телеграмма о моем заявлении будет получена в Риге только 30-го, и самое раннее 30-го же может быть дано Биссенеку распоряжение.

Я сказал, что я рекомендую Биссенеку выехать 31-го.

Б. ушел от меня очень расстроенный.

Б. Стомоняков.

3

12 экз. мо.
1-2-в дело.
3-л., 4-кр., 5-1.30, 6-Рига,
7-8-т. Сталину,
9-т. Молотову,
10-т. Кагановичу,
11-т. Ворошилову,
12-т. Орджоникидзе.

ДНЕВНИК

В.С. СТОМОНЯКОВА.

№ 2003.

236

235

Экз. №... 82

Секретно.

РАСЕКРЕЧЕНО

ПРИЕМ ЛАТВИЙСКОГО ПОСЛАНИКА, 3.1.35 г.

I. Пригласив Бильманиса в 17 час., я сказал ему, что в виду его просьбы, с которой он обратился ко мне 1 января в итальянском посольстве, Верховный Суд СССР согласился предоставить мне протоколы предварительного следствия и стенограммы судебного заседания Верховной Коллегии в Ленинграде по делу Николаева, Котолынова и др. для ознакомления посланника с теми частями этих документов, которые относятся к установлению фактов сношений Биссенека с Николаевым. После этого я показал Б. 35-36 и 56 страницы I тома и 280-281 страницы II тома протоколов предварительного следствия, а также стр. 5-II стенограммы судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда.

Б. внимательно читал и, дойдя до места, где было сказано, что латвийский консул принял Николаева в присутствии секретаря, сразу радостно воскликнул, что никакого секретаря у латвийского консула в Ленинграде нет. Я не успел еще реагировать на это восклицание, как он тут же добавил, что весь штат консульства состоит из консула и делопроизводительницы.

Я сказал, что именно она, несомненно, и имеется в виду. Слово "секретарша" не является литературным словом /Б. с этим сразу согласился/, и следовательно поэтому правильно назвал присутствовавшую при свидании Биссенека с Николаевым женщину "секретарем", а не "секретаршей". - Затем я указал, что из стенограммы судебного заседания видно, что речь идет именно о женщине - служащей консульства. Что же касается ее должности, то Николаев, очевидно, не знал, какую должность она занимает.

Так как Б. поинтересовался соответствующим местом в стенограмме, я должен был, хотя мы и уговорились с тов. Вышинским, что я покажу стенограмму только до II страницы, - когда Б. дочитал до отмеченного места на II странице стенограммы, - показать ему через несколько страниц то место в стенограмме, где говорится о том, что Николаев получил 5.000 руб. червонцами, и что выплату производила "женщина-бухгалтерша".

Закончив чтение, Б. спросил, может ли он получить копии прочитанных

им документов.

Я ответил, что ознакомление с этими документами является только актом любезности с нашей стороны. Посланник, как опытный дипломат, знает, конечно, что суверенное государство не дает другому государству таких документов, как документы своего Верховного суда. К тому же в данном случае речь идет о документах закрытого процесса.

Б. поспешил согласиться со мной и стал благодарить за оказанную ему любезность. Он спросил затем, не может ли он записать некоторые места.

Я сказал, что я и так уже пошел далеко, показав ему оригинальные документы из такого дела, и я не считал бы ~~удобным~~ удобным, чтобы он еще снимал копии с этих документов. К тому же посланнику пришлось прочесть не так много материалов, и я не сомневаюсь, что он их хорошо запомнил.

Б. согласился с этим и сказал, что он в общем запомнил прочитанное им и вновь благодарил.

2. После этого Б. просил разрешения познакомить меня с протоколом дознания, произведенного советником сиссии Филдхолдсом в Ленинграде. Б. перевел при этом документ на 2-х страницах, подписанный Филдхолдсом и Биссенек. Документ содержит 8 вопросов и ответов. Я не мог записывать в виду того, что перед этим я не разрешил Б. записывать содержание показанных ему протоколов следствия и суда. Привожу на память наиболее существенное содержание этого документа.

Документ начинается с вопроса, знал ли Биссенек Николаева. - Биссенек ответил, что "имя Николаева ему чуждо" /нужно учесть недостаточное знание Б. русского языка/, и так как он, Биссенек, нигде не видал фотографии Николаева, то не может сказать, встречался-ли он когда-нибудь с этим человеком. - На вопрос, приходил-ли когда-нибудь кто-нибудь в консульство предлагать какие-нибудь документы или устроить связи с за-границей, Биссенек ответил отрицательно. - Филдхолдс спросил, не давал-ли Биссенек кому-нибудь пришедшему в консульство 5.000 руб. в оплату за какие-нибудь услуги или что-нибудь подобное, - Биссенек ответил, что самый крупный расход, который ему приходилось лично произвести, это были 250 руб., которые он

уплатил за принесенную кем-то в консульство скатерть. -- В ответ на вопрос, знает ли он и бывала ли в консульстве Мильде Драуде, Биссенек ответил, что он лица с таким именем и фамилией не знает, но в консульстве бывает очень много посетителей, из которых не все называют свои фамилии, приходя за какими-нибудь справками общего характера и т.п. -- В ответ на вопрос, знает ли он Троцкого, Биссенек сказал, что он с ним никогда лично не встречался, знает из прессы, что Троцкий живет, кажется, во Франции, и заявил, что никто не обращался к нему с просьбой связать его с Троцким. -- Филдхолдс спросил, далее, в виду того, что Биссенек отрицает приписываемые ему действия, не имеет ли он каких либо подозрений в отношении г-жи Апенис, делопроизводительницы и единственной служащей консульства. Биссенек ответил, что он никогда ничего за г-жей Апенис не замечал. -- Последним вопросом Филдхолдса было, не замечал ли Биссенек скверного отношения к себе или каких-нибудь ненормальностей в отношении к нему со стороны советских властей или отдельных лиц из их среды. Биссенек ответил в категорических тонах, что он всегда встречал самое предупредительное отношение со стороны решительно всех властей и отдельных официальных лиц, с которыми ему приходилось иметь дело по его службе в Ленинграде.

Прочитав содержание протокола дознания, Б. сказал: "Как видите, Биссенек все решительно отрицает". И потом прибавил: "Это очень неприятное дело".

Я ответил, что дело это не только неприятное, но и очень тяжелое. Меня не удивляет голое отрицание фактов со стороны Биссенека. Человек, который дошел до таких действий, конечно, не будет их признавать в ответ на первый заданный ему вопрос. Зачитанный посланником документ не удивляет меня и не производит никакого впечатления, но я должен сказать, что очень глубокое впечатление произвело на меня чтение соответствующих материалов предварительного и судебного следствия. Это - неслыханный факт, что консул, т.е. официальный

представитель дружественного государства поддерживал преступные связи с представителем контрреволюционной организации, совершившим потом террористический акт против крупного государственного деятеля.

Б. сразу согласился, заявив, что он очень осуждает Биссенека. Последний был обязан немедленно известить власти, когда к нему пришел Николаев. "Ну, в начале, - прибавил Б., - когда Николаев говорил с ним по своему личному делу на-счет наследства в Латвии, Биссенек мог еще его слушать, тем более, что Николаев показал ему латвийский паспорт дедушки, но потом, когда Николаев заговорил о сношениях с за-границей, о предоставлении материалов и т.д., Биссенек, конечно, должен был сообщить об этом кому следует". Б. сказал, что он уверен, что и латвийское правительство осудит действия Биссенека.

3. В ответ на мой вопрос, какие об"яснения дал Биссенек в Риге, Б. сказал, что шифреры при его последнем телефонном разговоре с Ригой ему сообщили, что Биссенек туда еще не приехал. - При этом телефонном разговоре ему, Б., сообщили, что в латвийской прессе появились сообщения из Лондона и Парижа, в которых содержатся гадания на тему, кто скрывается под 14 и 16 точками, которыми обозначено название консула в обвинительном заключении, опубликованном в печати и переданном по радио. Одна газета, кажется, парижская сосчитала, что это как раз совпадает с фамилией английского консула, а "Дейли Мейль" пришла к выводу, что это фамилия латвийского консула, который в оригинале назван по имени и фамилии, при чем фамилия обозначена без "с" в окончании. "Конечно, - сказал Б., - "Дейли Мейль" поторопилась это опубликовать для того, чтобы снять подозрения с английского консула". Латвийский министр для того, чтобы устранить разговоры в связи с предстоящим приездом Биссенека в Ригу дал в прессу сообщение, что Биссенек выехал в отпуск из Ленинграда в Ригу.

4. Говоря о том, что Биссенек еще не вернулся в Ригу, Б. пояснил, что Биссенек собирался выехать в Латвию через Эстонию в 5 час. 20 мин. вечера 31-го декабря. Он приехал во время на вокзал, но его багаж заповздal; вследствие этого он задержался и, стремясь в точности выполнить предпи"

сание посланника, выехал с первым поездом в 6 час. вечера через финляндскую границу. /Отмечаю для Исправления неточности, допущенной в моей предыдущей записи на основании сообщений т.т. Вайнштейна и Березова/. - Тут же Б. рассказал более подробно, чем в прошлый раз, что, уйдя от меня 29-го декабря ночью, он немедленно по телефону предписал Биссенеку выехать из СССР 31-го декабря до 12 час. ночи. 30-го декабря, в 12 час. дня, Биссенек позвонил Б. и сообщил, что утром 30-го декабря к нему звонил германский консул и осведомлялся, в котором часу он уезжает. Когда Биссенек ему сказал, что он уезжает 31-го декабря, германский консул выразил удивление, сказав, что, по его сведениям, он должен уехать 30-го декабря. /Отмечаю также Для уточнения предыдущей записи/.

5. В заключительной части беседы Б. выразил надежду, что это печальное дело не отразится на наших отношениях. Несколько приосанившись, он заявил, что он глубоко благодарен мне за то благожелательное отношение, которое я проявил к Латвии в этом деле. Он сообщил об этом в Ригу как после первой беседы со мной 29-го декабря, так и после приема в итальянском посольстве 1-го января, и он не сомневается, что и в Риге оценят наше желание обереечь наши отношения от вреда, который может нанести им это дело. С этой же целью он, Б., просил свое правительство принять меры к тому, чтобы Биссенек по приезде в Ригу уклонился от каких бы то ни было разговоров с журналистами, особенно с иностранными корреспондентами, для того, чтобы избежать шума вокруг этого дела. - "Я все время работал для сближения между нашими странами, - закончил торжественным тоном Б., - и я прошу Вас верить, что я и впредь сделаю все возможное, чтобы уберечь наши отношения от всяких неприятностей, и чтобы сделать их еще более хорошими, чем в настоящее время".

Я сказал, что при урегулировании этого дела мы пошли навстречу Латвии, - однако, нужно, чтобы латвийское правительство впредь более осторожно выбирало своих консулов.

Б. с жаром сказал: "В этом я вполне с Вами согласен. Я уже об этом писал в Ригу. Нам нужно в будущем назначать консулами проверенных чиновни-

ков, а не людей со стороны, как Биссенек. Ведь это - бывший революционер и социал-демократ"...

231

Б. Стомоняков.

- 14 экз.мс.
- 1-2-в дело,
- 3-Д.,
- 4-Кр.,
- 5-6-т. Сталину,
- 7-т. Молотову,
- 8-т. Ворошилову,
- 9-т. Кагановичу,
- 10-т. Орджоникидзе,
- 11-И.30.,
- 12-т. Ягоде,
- 13-т. Вышинскому,
- 14-Рига.